

⁹ ПА Минского ок КПБ, ф. 1, оп. 65, д. 22, л. 133.

¹⁰ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 2276, л. 8—9.

¹¹ См.: Промышленность Белоруссии, 1971, № 3, с. 15.

¹² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 2, д. 257, л. 116; Промышленность Белорусской ССР. Статистический сборник.— Минск, 1976, с. 387.

¹³ Правда, 1976, 26 октября.

Д. С. КЛИМОВСКИЙ

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА О МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЯХ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ

Научная марксистско-ленинская методология позволяет избежать опасности модернизации исторических событий прошлого. Основопологающим здесь стало условие: «...не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

Нашествие полчищ Батыя на Европу некоторыми историками домарксистского периода определялось лишь «как катастрофа, как вторжение потусторонних сил, как нечто невиданное и непонятное»². Другие, например, арабский историк Ибн аль-Асир, говорили о монгольских завоеваниях, что «не было от сотворения мира катастрофы более ужасной для человечества и не будет ничего подобного до скончания веков и до страшного суда»³. Классики марксизма-ленинизма впервые дали подлинно научное определение монгольским завоеваниям в средневековой Европе. Принимая в качестве объективного критерия для сравнения различных исторических эпох и отдельных крупных событий уровень развития производительных сил, они четко очертили взаимосвязи раннего и зрелого феодализма, показали прямую зависимость от этого военных организаций, степень политических междоусобиц как первого, так и второго видов феодального развития. Карл Маркс отмечал, что «монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием»⁴.

Весьма интересны сведения, содержащиеся в трудах Маркса и Энгельса, о путях движения монгольских войск, о превращении ими в развалины городов и сел, об использовании папством монгольского вторжения в Европу в качестве попытки укрепления влияния римско-католической церкви на Востоке, о линии Запад-Восток, прочерченной крестовыми походами, но в определенной мере уступившей свое военное значение татаро-монгольской захватнической линии Восток-Запад. «Вслед за крестовыми походами, — отмечал Ф. Энгельс, — последовало новое нашествие восточных наездников на Европу, а именно, нашествие монголов. Наводнив Россию и польские области, они в 1241 году встретились при Вальштадте в Силезии с соединенной польско-германской армией»⁵.

В статьях «Армия», «Кавалерия», «Бомба», «Бомбардирование», «Бомбардир» и других Энгельс провел достаточно глубокое исследование причин поражения венгерских, чешских, польских и немецких князей в битвах в Центральной Европе. Отмечая, что «...единственный прогресс, которым мы обязаны средним векам, состоит в создании кавалерии, от которой по прямой линии происходят наши конные войска», Энгельс осуждает рыцарей за «неповоротливость» кавалерии, за то, что их «метод ведения боя был возвратом к гомеровским временам», а успеху сражений мешали доспехи лошадей и всадников, отрицательно влиявшие на движение и быстрое преодоление расстояний. В войнах Средневековья и конкретно «...в войнах с монголами в Польше и Силезии эта малоподвижная кавалерия постоянно находилась в состоянии крайнего утомления и в конце концов ее побеждала подвижная легкая конница Востока»⁶.

Одержав ряд внушительных побед над европейским рыцарством, встретив более организованное сопротивление лишь под Оломоуцем, вместе с тем дойдя почти до Венеции, монгольские полчища, как известно, возвратились в причерноморье и на берега Волги, а власть Батыя и последующих ханов Золотой Орды (после похода в Центральную Европу

в 1241—1242 годах) с 1243 года распространилась на огромные пространства Восточной Европы и Азии.

Рассуждая о причинах возвращения татаро-монгольского войска из Центральной Европы, авторы некоторых современных авторитетных учебников для студентов⁷ несколько прямолинейно утверждают о «неожиданности» поворота Батыя в степи. У Маркса и Энгельса мы находим конкретные свидетельства о причинах такой «неожиданности» ухода татар, утраты ими власти над Польшей, Венгрией, Далмацией, остановки дальнейшего продвижения в Западную Европу.

На наш взгляд, в высказываниях основоположников марксизма о монгольских завоевательных походах можно выделить три главных взаимосвязанных момента. Во-первых, за становым хребтом нашествия Батыя на Центральную Европу оказались русские княжества, в которых, несмотря на чудовищное опустошение территории и истребление массы людей, с каждым месяцем и годом все больше разгоралось пламя восстаний и широкой партизанской борьбы. Монголы не могли оставить у себя за спиной кипящий борьбой тыл, им надо было попытаться его умиротворить. Однако эта задача оказалась для них исторически невыполнимой, наиболее ярким свидетельством чему впоследствии стала Куликовская битва и другие события многовекового российско-татарского противоборства. «Лишь после долголетней борьбы великие князья московские сбросили, наконец, монгольское иго и приступили к объединению многочисленных княжеств великороссии в единое государство»⁸. Во-вторых, на территории Польши и Венгрии, которые стали главными жертвами батыевского нашествия в 1241—1242 годах, несмотря на проигрыш центральноевропейцами большинства сражений, все-таки было оказано весьма упорное сопротивление. «После долгой борьбы, — указывал Энгельс, — азиаты разбили изнуренных рыцарей, закованных в стальную броню, но победа была куплена столь дорогой ценой, что она надорвала силы завоевателей»⁹. В-третьих, не имевшее до того исторических аналогий ограбление народов, стоявших на пути татаро-монгольских завоевателей, обогатило крупных военачальников-феодалов и заложило почву для последующей ханской междоусобной борьбы. Поэтому, казалось, успешно восходившая Золотая Орда вскоре стала непрочным государственным образованием. Говоря о пребывании захватчиков-монголов в Центральной Европе, Энгельс отметил: «Монголы дальше уже не продвигались, а вскоре вследствие **раздоров в их собственной среде** (выделено мною — Д. К.), перестали быть опасными и были отброшены назад»¹⁰.

Основоположники марксистской исторической науки, выступившие и в качестве историков монгольских завоеваний в средневековой Европе, неоднократно для сравнения обращались к событиям XIII, XIV и XV веков при рассмотрении экономических, политических и культурных особенностей XIX века.

Занимаясь ирландским вопросом, наблюдая за процедурой обсуждения биллей о лендлордах и арендаторах, Маркс обращает особое внимание на деструктивный характер английского господства в Ирландии. Так, например, в речи 16 декабря 1867 года, в Лондонском коммунистическом просветительном обществе, он говорил: «С истощением почвы ухудшилось и физическое состояние населения. Число хромых, слепых, глухонемых и душевнобольных увеличилось абсолютно при сократившемся населении. Свыше 1100000 человек были вытеснены 9600000 овец. В Европе это нечто неслыханное! Русские замещали переселенных поляков русскими, а не овцами. Только при монголах в Китае когда-то обсуждался вопрос об уничтожении городов, чтобы очистить место для овец. Ирландский вопрос является поэтому не просто национальным вопросом, а вопросом о земле, вопросом о существовании»¹¹.

Маркс осуждает и традиционное лицемерие представителей английских правящих классов, саркастически бичует так называемый британско-аристократический гуманизм парламентариев, отстаивавших интересы богатых. Выступая в защиту бедных, Маркс писал: «Вопли ирландских женщин, — которых все усиливающийся процесс концентрации мелких арендных участков на Зеленом Эрин¹² полуголыми выбрасывает на улицу, сгоняет с насиженных мест, словно на их родину обрушилось татарское нашествие, — вызвали до сих пор только один-единственный отклик со стороны палаты лордов, палаты общин и правительства ее величества — проповеди об абсолютном праве земельной собственности»¹³.

Маркс и Энгельс приводили немало ярких исторических параллелей

из периода татаро-монгольских завоеваний, рассуждая о скованности чужеземными захватами социального и внешнеполитического развития любого народа, населявшего Европу как в феодальную эпоху, так и при переходе к капитализму. «Пока жизнеспособный народ скован чужеземным захватчиком, — замечает Энгельс, — он по необходимости направляет все свои силы, все свои стремления, всю свою энергию против внешнего врага; и пока его внутренняя жизнь остается таким образом парализованной, он не в состоянии бороться за социальное освобождение. Ирландия, Россия под монгольским игом и т. д. дают этому положению яркое доказательство»¹⁴.

Что же касается экономических и политических деталей внутренней жизни той или другой страны, то Маркс, например, ссылаясь на своеобразие российской земледельческой общины, на ее изолированность и «локализованный микрокосм», и подчеркивая наличие централизованного деспотизма над самими общинами, — объяснял это явление «политическими судьбами, пережитыми Россией со времен монгольского нашествия»¹⁵.

Большое внимание монгольским завоеваниям в средневековой Европе уделял и В. И. Ленин. Он, призывавший еще на заре XX века никогда не оборачиваться «спиной к истории», а о современности не говорить «тоном пророка»¹⁶, в условиях военной империалистической схватки великих держав и особых трудностей рабочего движения в годы первой мировой войны резко выступил против субъективизма при отборе исторических фактов. В незавершенной статье «Статистика и социология» В. И. Ленин указывает на недопустимость выхватывания «отдельных фактиков» при рассмотрении вопроса о значении и роли национальных движений, о соотношении национального и интернационального. Критикуя тех, кто берет «фактики» без должной связи и «вне целого», Ленин спрашивает: «Например, когда писатель, бывший в прежние времена серьезным и желающий, чтобы его считали таковым, берет факт монгольского ига и выставляет его как пример в пояснение некоторых событий в Европе XX века, можно ли это считать только игрой, или правильное огнестрельное это к политическому шарлатанству»¹⁷. И сам же отвечает: «Монгольское иго есть исторический факт, несомненно связанный с национальным вопросом, как и в Европе XX века наблюдается ряд фактов, столь же несомненно связанных с этим вопросом. Однако немного найдется людей — типа тех, кого французы зовут «национальными клоунами», — способных претендовать на серьезность и оперировать для иллюстрации происходящего в Европе в XX веке с «фактом» монгольского ига»¹⁸.

Из этого наблюдения Ленин сделал вывод о необходимости для ученого подходить к явлениям прошлого с позиции диалектико-материалистического понимания истории.

Таковы краткие сведения о внимании Маркса, Энгельса, Ленина к истории монгольских завоеваний в средневековой Европе. Их глубокие обобщения по этому вопросу лишней раз напоминают о необходимости всестороннего исследования действительного соотношения прошлого и настоящего в истории общества.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

² См.: Краткая история СССР, ч. 1. — Л., 1972, с. 77.

³ Там же, с. 60.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 724.

⁵ Там же, т. 14, с. 304.

⁶ Там же, с. 27.

⁷ См.: История средних веков. — М., 1977, т. 1, с. 397.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 163—164.

⁹ Там же, т. 14, с. 304.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, т. 16, с. 581.

¹² Древнее название Ирландии.

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 523.

¹⁴ Там же, т. 18, с. 555.

¹⁵ Там же, т. 19, с. 406.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 631—632.

¹⁷ Там же, т. 30, с. 350.

¹⁸ Там же.